

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ К ДЕНЕЖНЫМ ЕДИНИЦАМ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР

Егор Сергеевич Макаров (eg.makaraz@mail.ru)

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Цитирование: Макаров Е.С. (2020) Социологическая проблема доверия к денежным единицам: институциональный фактор. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(5): 135–154. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.5.5>

Аннотация. Рассматривается место параметра институционального доверия в контексте проблемы доверия к различным денежным единицам. С точки зрения «ортодоксальной» позиции в отношении природы денег в социальной теории (включая классиков политической экономии) данная проблема не изучалась либо оттеснялась на задний план. На основе анализа современных социологических теорий денег (В. Зелизер, Дж. Смифин, Дж. Ингэм, Н. Додд и др.) анализируется фактор институционального доверия и его влияние на доверие денежным формам (в статье формы денег операционализируются как разные валюты). Осуществляется попытка верификации этого теоретического положения на основе эмпирических данных, полученных в рамках проекта «Мониторинг финансового поведения населения — 2016», проводимого при поддержке Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. На основании эмпирического анализа (с применением критерия хи-квадрат и логистической регрессии) нельзя утверждать о наличии высокого уровня связи между институциональным доверием Правительству РФ, Сбербанку и Центральному банку и доверием к денежным формам, в данном случае установкой на использование рубля. В качестве альтернативного концепта рассматривается безличное доверие как ключевой в рамках проблемы доверия денежным единицам. Основные выводы исследования заключаются в том, что институциональное доверие не является ключевым фактором в доверии к денежным формам: его следует помещать в контекст объяснительной модели, исходящей из безличного доверия. Автор приходит к заключению о необходимости проведения дальнейших эмпирических исследований с целью проверки изложенных теоретических положений.

Ключевые слова: социология денег, доверие к деньгам, множественные деньги, институциональное доверие, безличное доверие, проблема комплементарности.

Цель работы — проанализировать параметр институционального доверия в рамках модели объяснения доверия денежным единицам. Этот фактор рассматривается в контексте вопроса, который, по нашему мнению, является одним из центральных в современных социологических теориях денег, а именно: откуда берется доверие к деньгам, как оно воспроизводится

и, шире, почему люди ими пользуются? Описание институционального доверия применительно к данной проблеме — одна из задач настоящего исследования. Другая задача заключается в том, чтобы на основе количественного анализа данных проверить гипотезы, соответствующие изложенной теоретической модели. Сразу отметим, что эмпирическая верификация этих положений достаточно сложна, так как (1) анализ проводится на основе вторичных данных, что предполагает «обратную операционализацию»* (Стребков и др. 2019: 35), и (2) исследуемая проблема достаточно теоретическая, причем система эмпирических индикаторов пока еще не разработана. Поэтому наше исследование следует рассматривать как попытку проверки абстрактных теоретических положений современных социологических теорий денег, к тому же еще и на основе российских реалий. Вначале мы опишем проблему так, как она формулируется Дж. Ингэмом (Ingham 2000), затем перейдем к описанию теоретической модели, далее обсудим гипотезы и операционализацию понятий, следом осуществим количественную эмпирическую верификацию гипотез и сделаем основные выводы для концептуализации доверия к денежным единицам.

Введение: краткая история проблемы

Как писал В.В. Радаев, «одна из самых великих загадок, порожденных человеческим обществом, заключена в сущности денег. Трудно найти явление столь обыденное и в то же время столь необъяснимое... В самом деле, благодаря каким свойствам разноцветная резаная бумага с водяными знаками обретает удивительную покупательную способность, и, более того, начинает властвовать над умами и сердцами людей?» (Радаев 2005: 373). Высказывание очень точное, но, скорее, философское. Для конкретизации проблемы необходимо проанализировать ее истоки в рамках социологии денег.

Вопрос природы денег занимал классиков политической экономии, но их ответ, если можно так выразиться, «скрывал» проблему основания доверия к деньгам. Впоследствии из логика, основанная на метафоре денег как универсального средства обмена, перешла и в социологию. Такой подход Дж. Ингэм называет «ортодоксальным» (Ingham 2000: 17). Суть его заключалась в следующем.

---

* «Обратная операционализация» означает, что исследователь в операциональных определениях концептов ограничен готовыми данными. Однако это ни в коем случае не предполагает объяснение «от данных». Ограниченность в проверке концептуальной модели не есть создание этой модели исходя из имеющихся данных. В нашем случае мы еще и ограничены в проверке других моделей объяснения.

В своих «Исследованиях о природе и причинах богатства народов» А. Смит пишет: «...у всех цивилизованных народов деньги стали всеобщим орудием торговли, при посредстве которого продаются и покупаются всякого рода товары или обмениваются один на другой» (Смит 2017: 28). В рамках политической экономии деньги представляются как элемент хозяйственной жизни, упрощающий обменную сделку. Иными словами, при обмене двух экономических агентов необходимо понимать, сколько стоит товар (деньги здесь выступают мерой стоимости) и что получит взамен проданного товара продавец (деньги как средство обмена). Рациональные «максимизаторы полезности» таким образом упрощают себе жизнь.

Подобная логика размышлений есть и у К. Маркса. Потребительная стоимость товара должна быть определенным образом измерена, а реализация товара в обмене фиксирует его меновую стоимость. Для достижения этих двух задач и нужны деньги. Обратимся к самому Марксу: «...для того чтобы обмен стал общераспространенным явлением, необходим такой товар, который имел бы потребительную стоимость не для того или иного товаровладельца, но для *всех*; товар, который давал бы возможность выменять за него любой другой товар; иными словами, необходимо *всеобщее* орудие обмена» (Маркс 2018: 209). В принципе выглядит все логично: деньги выступают средством обмена, который упрощает экономические сделки. И поддерживается это рациональностью экономических агентов, homo economicus. (Маркс, конечно, критикует этот идеальный тип, но не как теоретическую модель, а как исторический феномен, характерный для капитализма.)

В таком способе концептуализации денег вопрос «А на чем же основано доверие к деньгам?», попросту говоря, опускается. Классический ответ здесь примерно следующий: определенная форма оплаты стала таковой в результате исторического развития общества, но как именно и почему именно такая не суть важно, так как сущность денег заключается в том, чтобы упрощать экономические сделки. Это также отражено у Маркса далее, когда он оговаривает, что «в данной работе [Капитале] я везде предполагаю, *ради упрощения*, что денежным товаром является только золото» (Маркс 2018: 211; курсив наш. — Е.М.). Такое упрощение делается для возможности дальнейшего экономического анализа, в котором деньги должны быть универсальны и одинаковы*. Соответствующая

---

* Здесь уместно было бы привести критику экономцентрического анализа П. Бурдьё. У него речь идет о том, что в экономической теории существует множество моделей, в том числе математических, которые описывают поведение эконо-

позиция подходит для экономической теории и ее способов описания. Как указывает Дж. Смифин, в такой трактовке деньги превращаются в «невидимую вуаль» (Smithin 2000: 1–3).

Схожие идеи присутствуют и в работах классиков социологической мысли (например, у Т. Парсонса и Г. Зиммеля). Данный подход Дж. Ингэм называет «ортодоксальным» (Ingham 2000: 17), а В. Зелизер — «утилитаристским» (Зелизер, 2004: 36). В задачи нашей работы не входит подробное обсуждение этого подхода (его обзор и критику см.: Зелизер 2004: 31–44; Аникаева 2008: 115–119).

Принципиально иная постановка вопроса возникла в русле новых социологических теорий денег. Дж. Ингэм в работе 2000 г. постулирует: «Социальное производство доверия и конвенционального базиса хранения [и функционирования] денег должно быть объяснено» (Ingham 2000: 30). Проблематизация доверия к денежным единицам становится возможна благодаря тому, что деньги теперь рассматриваются не как невидимая вуаль. Денежный обмен принципиально отличается от иных форм обмена: «Деньги неизбежно встроены в социальные отношения между экономическими агентами, а также между ними и “авторитетом” денег... Капиталистическая кредитная денежная система качественно отличается от других денежных форм, так как покоится на обещании в возврате денег» (Ingham 2000: 19).

Таким образом, возникает вопрос: а что же воспроизводит этот «авторитет» денег? Совершенно неочевидно, что люди используют деньги для обмена (некоторые даже видят в них смысл жизни), ведь они (деньги) являются всего-навсего «разноцветной резаной бумагой с водяными знаками».

Прежде чем перейти к описанию теоретической модели и гипотез исследования, следует обсудить несколько важных моментов. Нам кажется принципиальным, что вопросы «Почему люди *доверяют* деньгам?» и «Почему люди *используют* деньги в своей повседневной жизни?» хоть и связаны между собой, но все же достаточно серьезно различаются. Вы можете не доверять деньгам, но использовать их в своей повседневной

мических агентов. Они основываются на определенных упрощениях, как в данном случае с деньгами. Базовая ошибка экономических теоретиков заключается в проекции этих положений на мышление экономических агентов, в результате чего происходит онтологическая подмена (мышления агента мышлением теоретика). На этом тезисе основана его критика homo economicus. «Homo economicus — это что-то вроде сверхэкономиста... чудовищная фикция, которую в своей обыденной жизни не смог бы реализовать даже самый сведущий экономист» (Бурдые 2019: 294).

жизни (например, вы можете не доверять рублю, потому что считаете его нестабильной валютой, однако пользоваться в России им вы все равно будете вынуждены). К этому мы еще вернемся.

Другой нюанс связан с тем, что объяснение «от контекста» в *вопросе доверия* не является подходящим, так как контекст скорее важен в вопросе «правильного» использования денег в повседневных ситуациях: фреймах или практиках. Под контекстом мы имеем в виду то, что об этом пишет В. Зелизер: «Люди производят разные денежные средства для многих, а возможно, и для каждого типа социального взаимодействия, подобно тому, как они используют разные языки для разных контекстов... Люди с раздражением, возмущением или смехом реагируют на «неправильное употребление» денег в неправильных обстоятельствах или социальных отношениях» (Зелизер 2004: 53). На вас действительно могут посмотреть странно, если вы, скажем, оплатите шоколадку купюрой в 5000 рублей или вообще в 100 долларов, но не это имеется в виду. Речь идет о следующем: на чем основано ваше доверие к той или иной форме денег *вообще в качестве формы оплаты*. Иными словами, почему вообще «разноцветная бумага с водяными знаками», а сегодня уже и виртуальная сумма, отображенная в приложении вашего смартфона, может быть деньгами и обмениваться на реальные товары.

Также существует момент, связанный с пониманием концепта денежных форм. Под денежными формами на концептуальном уровне понимаются различающиеся по многим параметрам денежные единицы. Скажем, различные валюты — это разные формы денег, так как они отличаются по странам, в которых используются, а следовательно, регулируются различными институтами. Другой пример — различие между электронными и наличными деньгами. Здесь уже важен сам носитель, «нематериальность» денег в первом случае и «материальность» во втором. Это означает, что деньги имеют различные воплощения. Иными словами, нам важно не то, что деньги играют роль универсального средства обмена, а то, «какие это деньги», как пишет В. Зелизер (Зелизер 2004: 56). То есть мы понимаем под формами денег не только те единицы обмена, которые официально закреплены государством, но и не регулируемые им, все, что функционирует в качестве денег (примеры негосударственных денег — криптовалюта (Биткойн), первобытные деньги). И именно такой подход позволяет поставить проблему доверия к той или иной денежной форме: если деньги универсальны и однородны, тогда проблемы доверия нет, но если существует множество форм денег, тогда возникает вопрос, к какой из них существует доверие, а к какой нет и почему.

Институциональный фактор в доверии денежным формам

В современных социологических теориях денег (В. Зелизер, Дж. Смифин, Дж. Ингэм, Н. Додд и др.) принято говорить о «социальном значении денег». Книга американского экономсоциолога Вивианы Зелизер, одна из ключевых работ в рамках данных теорий, так и называется (Зелизер 2004). Речь идет о том, что вопрос доверия к денежным единицам нельзя рассматривать в отрыве от социальных отношений. Как выражается Н. Додд, деньги — это своего рода иллюзия, социальный конструкт (Dodd 2014: 6), а значит, по Э. Дюркгейму, должен быть объяснен «через социальное».

Одним из возможных ответов на проблему доверия к денежным единицам может быть таким, что оно производится на институциональном уровне. Различные институты регулируют распределение тех или иных денежных единиц. Стоит отметить, что этот аргумент может быть выдвинут, если принять тезис В. Зелизер о множественности денежных единиц (Зелизер 2004). Различные формы денег регулируются разными институтами: государством, банками; в современном мире распространяются так называемые «виртуальные» деньги, которые не связаны с государственными институтами, но регулируются другими правилами (European Central Bank 2012). Множество форм денег погружены в институциональную среду.

Связь между денежными единицами и институциональным контекстом особенно акцентируется в исторических исследованиях денег (Зелизер 2004; Ashton 1945). В. Зелизер рассматривает период (конец XIX — начало XX в.), когда в Соединенных Штатах Америки существовало множество форм денег, которые были связаны с тем или иным штатом и не находились в ведении государства. Правительство пыталось унифицировать финансовую систему и ввести единую валюту, однако нередко сталкивалось с сопротивлением со стороны населения. Возможно, это также связано с вопросом доверия к институтам, которые регулировали ту или иную форму денег.

С тем что деньги погружены в институциональный контекст и подвержены регулированию, вряд ли можно спорить. Однако из этого не следует, что доверие к денежным единицам связано с институциональным доверием. По крайней мере социальное конструирование денег (как иллюзии) может быть и производится институционально, однако существует вопрос: А выражается ли это на дискурсивном уровне, связано ли доверие к институтам с доверием к денежным формам, которые ими регулируются? Этот тезис мы и хотим проверить эмпирически.

Операционализация понятий и эмпирическая база исследования

В исследовании используются данные проекта «Мониторинг финансового поведения населения — 2016»*, реализованным НИУ ВШЭ совместно с Аналитическим центром Юрия Левады в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г. Суммарный объем выборки — 1600 человек. Выборка репрезентативна для населения России старше 18 лет по полу, возрасту, уровню образования, типу населенного пункта и федеральным округам. Погрешность выборки составляет 3,4 %.

Выбор именно такой базы данных в качестве эмпирической основы исследования обусловлен ее репрезентативностью и направленностью тематики. Несмотря на то что опрос проводился в 2016 г. и некоторые данные могли стать неактуальными**, напомним, что цель нашего исследования — проанализировать фактор институционального доверия в рамках проблемы доверия к денежным единицам. Так как это теоретическое положение (как и любое другое) должно быть устойчиво воспроизводимым и охватывать большой класс явлений, не подверженных временным различиям (или, строго говоря, если временные различия в рамках выбранной модели объяснения не вводятся в качестве независимой переменной), то его проверка с помощью этой базы данных представляется оправданной и обоснованной.

Что касается операционализации понятий, то, как уже отмечалось, здесь мы сталкиваемся с «обратной операционализацией», т.е. возможностью использовать только те индикаторы, которые уже были заложены в опроснике. Естественно, это отразится как на исследовательских возможностях в верификации тех или иных теоретических положений, так и, возможно, на результатах исследования. Разработанный исходя из концепции и следующих из нее гипотез опросник позволил бы сделать более однозначные выводы. Это дополнительный аргумент в пользу необходимости проведения дальнейших эмпирических исследований данной темы.

Концепт «доверие институтам» операционализируется через оценку доверия тем или иным организациям, измеренную с помощью порядковой шкалы от 1 до 4 (1 — полностью доверяю, 2 — скорее доверяю, 3 — скорее не доверяю, 4 — полностью не доверяю). Нас интересует доверие, во-первых, к Центральному банку и Сбербанку, во-вторых, к Правительству РФ.

---

* Доступ к базе данных предоставлен НИУ ВШЭ.

** Исследование выполнено в 2020 г.

Что касается «доверия денежным формам», то оно может быть определено как «готовность использовать определенную форму денег». Мы полагаем, что здесь можно использовать различия в готовности сберегать деньги в той или иной валюте. Так, можно предположить, что если доверие к российским институтам выше, то и больше вероятность того, что человек будет сберегать деньги в рублях, а не в валюте. Эта гипотеза является основной.

Относительно установки на использование и сбережение в валюте или в рублях в опроснике есть несколько по-разному сформулированных вопросов. Далее мы будем уточнять, какие именно использовали при анализе данных. Таким образом, на операциональном уровне можно говорить о следующих гипотезах-следствиях:

— *гипотеза 1a*: переменные «доверие к Сбербанку» и «доверие к Центральному банку РФ» связаны с переменной «готовности хранить и сберегать деньги в той или иной валюте»;

— *гипотеза 1b*: переменная «доверие к Правительству РФ» связана с переменной «готовность хранить и сберегать деньги в той или иной валюте»;

— *гипотеза 2*: чем выше уровень доверия к Сбербанку, Центральному банку и Правительству РФ, тем больше вероятность установки на сбережение и хранение денег в рублях.

Гипотезы 1a и 1b проверяются с помощью использования непараметрического критерия хи-квадрат, *гипотеза 2* — с помощью логистической регрессии. Анализировалась вероятность установки на сбережения денег в рублях, переменная кодировалась как 0 — не выбрано (нет установки на сбережения в рублях), 1 — выбрано (такая установка есть). Анализ данных проводился в программе IBM SPSS Statistics.

Прежде чем перейти к обсуждению результатов, еще раз оговоримся: выбор именно таких индикаторы обусловлен в первую очередь наличием их в опроснике. После обсуждения результатов проверки гипотез мы сделаем вывод относительно данного способа операционализации (в первую очередь эмпирической интерпретации формы денег через валюту).

Результаты эмпирической проверки гипотез 1a и 1b: таблицы сопряженности

В таблице 1 приведены результаты таблицы сопряженности между доверием Центральному Банку РФ и установкой на сбережения денег в валюте или в рублях. Нас интересует, что доля респондентов, которые собираются хранить деньги на валютных счетах, больше среди тех, кто полностью не доверяет Центральному банку (11,3 %). Здесь также можно наблюдать

и то, что по мере возрастания доверия к Центральному банку возрастает и доля тех, которые собираются хранить деньги на рублевых счетах.

Проверка связи на основе критерия хи-квадрат показывает уровень статистической значимости $p < 0,001$, что говорит о значимости различий, наблюдаемых в данной таблице сопряженности. Значение хи-квадрат равно 56,363. Нормированный хи-квадрат (V Крамера) равен 0,108, что показывает наличие довольно слабой, однако статистически значимой связи.

Таблица 1

Распределение ответов по вопросам доверия Центральному банку и установкой на хранение денег в валюте или рублях

		Если говорить только о банковских вкладах, то как, по вашему мнению, лучше сейчас хранить сбережения — на рублевых счетах или на валютных?					Всего	
		на рублевых счетах	на валютных счетах	и на рублевом, и на валютном счетах	затрудняюсь ответить			
Насколько вы доверяете центральному банку России?	Полностью доверяю	Количество	107	14	23	7	151	
		%	70,9	9,3	15,2	4,6	100	
	Скорее доверяю	Количество	463	42	165	43	713	
		%	64,9	5,9	23,1	6,0	100	
	Скорее не доверяю	Количество	221	26	88	33	368	
		%	60,1	7,1	23,9	9,0	100	
	Совсем не доверяю	Количество	89	17	22	23	151	
		%	58,9	11,3	14,6	15,2	100	
	Не знаю, что это за организация	Количество	17	2	9	2	30	
		%	56,7	6,7	30,0	6,7	100	
	Затрудняюсь ответить	Количество	99	11	43	34	187	
		%	52,9	5,9	23,0	18,2	100	
	Всего		Количество	996	112	350	142	1600
			%	62,3	7,0	21,9	8,9	100

Значение хи-квадрат 56,363. Ст. св. — 15. Уровень значимости $p < 0,001$. V Крамера = 0,108.

Что касается проверки связи между доверием к Сбербанку и установкой на хранение денег в той или иной валюте, то результаты оказываются почти идентичными. Они отображены в таблице 2 (данные приведены только в процентах по строкам). Можно наблюдать увеличение доли тех, кто готов сберегать деньги в рублях в зависимости от уровня доверия Сбербанку. Эти различия статистически значимы ($p < 0,001$), однако V Крамера равен 0,11. На основании анализа этих таблиц можно сделать вывод, что различия статистически значимы, однако уровень связи между переменными слабый. Но и в той, и в другой таблице доля тех, кто доверяет рублю, растет по мере роста уровня доверия организации (Центральному банку в первом случае и Сбербанку во втором случае).

Таблица 2

Распределение ответов по вопросам доверия Сбербанку и установкой на хранение денег в валюте или в рублях, %

		Если говорить только о банковских вкладах, то как, по вашему мнению, лучше сейчас хранить сбережения — на рублевых счетах или на валютных?				Всего
		на рублевых счетах	на валютных счетах	и на рублевом, и на валютном счетах	затрудняюсь ответить	
Насколько вы доверяете Сбербанку?	Полностью доверяю	69,7	7,3	18,0	5,0	100
	Скорее доверяю	64,6	6,1	22,5	6,9	100
	Скорее не доверяю	53,9	11,0	24,4	10,6	100
	Совсем не доверяю	54,5	6,7	18,7	20,1	100
	Не знаю, что это за организация	66,7	0,0	25,0	8,3	100
	Затрудняюсь ответить	51,2	5,0	25,0	18,8	100
Всего		62,3	7,0	21,9	8,9	100

Значение χ^2 -квadrat 58,081. Ст. св. — 15. Уровень значимости $p < 0,001$. V Крамера = 0,110.

Это означает, что гипотеза 1а подтверждается частично. Действительно, можно наблюдать увеличение доверия к рублю по мере доверия к организациям, с ним связанным, однако по всей таблице сопряженности строго на основании нормированного хи-квадрата необходимо утверждать слабый уровень связи между переменными. Это может быть также связано и с тем, как сформулированы вопросы: по-другому предложенные вопросы могли бы показать и другой уровень связи. Однако, как мы уже говорили, это сложность и ограничение, с которыми сталкивается исследователь при работе с готовыми базами данных при всех их очевидных преимуществах, связанных с репрезентативностью.

Далее перейдем к проверке гипотезы 1б (табл. 3). Она также подтверждается частично. Исходя из анализа таблицы сопряженности можно утверждать, что доля тех, кто считает, что лучше сберегать деньги в рублях, растет с ростом доверия к Правительству РФ. Также мы видим и обратную

Таблица 3

Распределение ответов по вопросу доверия Правительству РФ и установкой на хранение денег в валюте или в рублях, %

		Если говорить только о банковских вкладах, то как, по вашему мнению, лучше сейчас хранить сбережения — на рублевых счетах или на валютных?				Всего
		на рублевых счетах	на валютных счетах	и на рублевом, и на валютном счетах	затрудняюсь ответить	
Насколько вы доверяете Правительству РФ?	Полностью доверяю	71,6	6,6	14,2	7,7	100
	Скорее доверяю	63,5	6,2	23,7	6,7	100
	Скорее не доверяю	61,1	7,3	22,5	9,1	100
	Совсем не доверяю	55,9	10,1	18,6	15,4	100
	Не знаю, что это за организация	57,1	0,0	42,9	0,0	100
	Затрудняюсь ответить	53,8	6,5	25,8	14,0	100
Всего		62,3%	7,0%	21,9%	8,9%	100%

Значение хи-квадрат 34,463. Ст. св. — 15. Уровень значимости $p < 0,01$. V Крамера = 0,085.

связь: по мере уменьшения доверия растет доля тех, кто больше доверяет иностранной валюте.

Однако значение V Крамера равно 0,085: это еще меньше, чем для предыдущих таблиц. Связь, хоть и слабая, статистически значима на уровне $p=0,003$. Это позволяет говорить о том, что гипотеза 1b подтверждается частично, хоть мы и фиксируем более равномерный рост доверия к рублю с ростом доверия к Правительству РФ и наоборот.

Таким образом, проверка гипотез 1a и 1b способом таблиц сопряженности и критерия хи-квадрат позволяет судить о слабой, но статистически значимой связи между доверием к данным организациям и той или иной валюте. Отметим, что данный вывод следует строго из анализа гипотез на уровне операциональных определений. Что касается следствий этого анализа для концептуальной модели и теоретических положений, то это мы обсудим далее.

Результаты эмпирической проверки гипотезы 2: логистическая регрессия

Перейдем к проверке гипотезы 2 на основе модели логистической регрессии. В качестве зависимой переменной нами был взят вопрос «Сейчас представляется наиболее надежным хранить деньги в рублях», где 0 — не выбрано, 1 — выбрано. Так мы проверим, возможно ли сделать вероятностное предсказание установки на хранение денег в рублях в зависимости от доверия национальным институтам. Сразу отметим, что предикторы «доверие к Правительству РФ» и «доверие к Президенту РФ» оказались статистически незначимы, хоть и увеличивали надежность предсказательной модели. Поэтому мы отразили результаты модели логистической регрессии только с учетом независимых переменных «доверие к Сбербанку» и «доверие к Центральному банку РФ»: они оказались статистически значимы (табл. 4).

Предикторы «Полностью не доверяю Сбербанку» и «Не знаю, что за организация (Сбербанк)» оказались статистически незначимы. Остальные предикторы значимы на уровне $p<0,05$. Как можно видеть, R^2 Найджелкера равен всего 0,033, что говорит о ненадежности модели. В целом данные предикторы слабо предсказывают вероятность сбережения денег в рублях.

Таким образом, можно утверждать, что на основе наших данных гипотеза 2 не подтвердилась: параметр доверия к Правительству РФ оказался статистически незначим, а модель, включающая предикторы доверия к Центральному Банку РФ и доверия к Сбербанку ненадежна, о чем говорит показатель R^2 Найджелкера.

Таблица 4

**Модель вероятности хранения денег в рублях в зависимости от доверия
Центральному банку РФ и Сбербанку (логистическая регрессия)**

Предикторы		B	Отношения шансов Exp(B)
Доверие Центральному Банку	Полностью доверяю	1,332***	3,787
	Скорее доверяю	0,866***	2,378
	Скорее не доверяю	0,732*	2,079
	Полностью не доверяю	0,774*	2,168
	Не знаю организацию	1,265**	3,542
Доверие к Сбербанку	Полностью доверяю	-1,268***	,282
	Скорее доверяю	-0,838*	,432
	Скорее не доверяю	-1,061*	,346
	Полностью не доверяю	-0,394	,674
	Не знаю организацию	0,223	1,250
Константа		-1,372***	,254
Качество модели	Значимость Критерия Хосмера-Лемешова = 0,48 -2 Log-правдоподобия = 1550,912 R ² Найджелкерка = 0,033		

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

Подведем итог эмпирической проверки гипотез. *Гипотезы 1а и 1б* подтвердились частично: на основе анализа таблиц сопряженности можно утверждать, что между параметрами существует статистически значимая, но не сильная связь. *Гипотеза 2* не подтвердилась: модель логистической регрессии ненадежна. Перейдем к обсуждению следствий этой проверки для концептуальной модели.

**Институциональное и безличное доверие:
альтернативное объяснение**

Итак, на основе проведенного нами эмпирического анализа фактор институционального доверия в объяснении доверия к денежным единицам нельзя назвать ключевым. Таким образом, возникает вопрос: Какой альтернативный концепт может объяснить доверие к деньгам? В качестве такого параметра может выступать безличное доверие, то, что Дж. Ингэм называет «impersonal trust» (Ingham 2000: 30).

В качестве пояснения понимания концепта безличного доверия к денежным единицам рассмотрим исследование А. Гусевой «Карты в руки. Зарождение рынка банковских карт в постсоветской России» (Гусева 2012). Она описывает механизм распространения банковских карт в 1990-е годы

в России. По сути, никакого рынка банковских карт тогда в России не существовало. Даже В. В. Радаев в предисловии научного редактора к этой работе восклицает: «Какие странные темы все-таки иногда выбирают американцы. Вокруг столько бурлящих котлов, а здесь даже объекта толком нет. Ведь рынок пластиковых карт в России практически отсутствует, а кредитных карт просто кот наплакал. Что здесь изучать?» (Гусева 2012: 8). А ведь на самом деле именно в таком исследовании и раскрывается данная проблематика: исследовать то, как конструируется безличное доверие к деньгам.

А. Гусева пишет, что рынок кредитных карт относится к так называемым «двухсторонним рынкам», или «рынкам с возрастающей отдачей на стороне спроса». Это означает, что чем больше данного товара на рынке, тем больше на него будет спрос. Точнее даже было бы сказать, вслед за исследователем, что «после того как количество пользователей достигает *критической массы*, их круг начинает резко расширяться, подобно катящемуся с горы снежному кому» (Гусева 2012: 32; курсив наш. — Е.М.). Мы же утверждаем, что таким образом нужно рассматривать не только рынки кредитных карт, а любую денежную форму вообще. В этом и заключается смысл безличного доверия: вы будете использовать рубли, потому что уверены, что вас обслужат в соседнем магазине. Доверие к институтам может здесь играть свою роль, и, как показало наше исследование, определенное влияние следует учитывать. Но для того чтобы это безличное доверие сконструировать, чтобы определенная форма денег стала повседневной и непроблематичной, необходимо их институциональное закрепление как опривыченной формы социального взаимодействия (Бергер, Лукман 1995). Другое дело, что институциональные механизмы играют важнейшую роль на начальном этапе решения проблемы комплементарности (фактически это и есть проблема конструирования безличного доверия). Возможно, именно поэтому в исторических исследованиях денег так видна роль институтов в регулировании денег.

Дж. Ингэм пишет: «Безличное доверие [impersonal trust] к денежным единицам и есть невидимая рука» (Ingham 2000: 30). И далее: «Конструирование доверия к деньгам, в том числе к капиталистической кредитной системе, неразрывно связано [bond up with] с *подъемом современного государства*» (Ingham 2000: 30; курсив наш. — Е.М.). И затем воспроизводит достаточно стандартный для современной социологии аргумент: деньги, будучи однажды внедрены в социальные отношения, стали частью естественного (от слова nature) порядка вещей, однако доверие к ним социально сконструировано. Здесь будет уместно вспомнить замечательную фразу П. Бурдьё: «[символический капитал есть] с помощью *фикции*...

превратить неизбежные и неизбежно корыстные отношения, задаваемые родством, соседством или трудом, в свободно выбранные отношения взаимобмена, а на более глубоком уровне — превратить произвольные отношения эксплуатации в отношения устойчивые, ибо основанные на природе вещей» (Бурдые 2017: 210–220; курсив наш. — Е.М.). В данном случае этой «фикцией» и являются деньги, как об этом пишет Н. Додд (Dodd 2014: 6–10). И ключевым фактором здесь должно выступать именно безличное доверие: уверенность в том, что все остальные тоже пользуются данной формой денег.

Важная роль безличного доверия не только в контексте вопроса доверия к деньгам, но и в экономической жизни вообще, обсуждалась в отечественной экономической социологии. Например, Ю.В. Веселов указывает, что безличное доверие становится особенно актуальным в современных обществах с рыночной системой расчета: «...доверие современное производится и воспроизводится господствующими экономическими структурами (структурами обмена, рынка, стоимости и денег)» (Веселов 2004b: 12; курсив наш. — Е.М.). То есть в денежном расчете принципиальным является именно безличное доверие к той или иной форме денег (например, валютам) (Веселов 2004а: 6). Использовать рубль в России (а следовательно, доверять ему не в смысле его надежности как валюты, а как денежному средству вообще) будут именно из-за безличного доверия к нему — уверенности в том, что им возможно расплатиться в магазине. Или приведем другой пример. Центральным банком был анонсирован цифровой рубль — новая форма денег, которая будет являться технологических аналогом криптовалют, но при этом регулироваться государством. Пока вы не уверены в том, что сможете оплатить им покупку где угодно (это и есть безличное доверие), вы вряд ли будете доверять ему.

Безличное доверие важно не только в контексте проблемы доверия к денежным единицам, но и с точки зрения экономической жизни шире. Доверие Другому (или иногда пишут Большому Другому) означает снижение транзакционных издержек, минимизирует расход на договоренность относительно правил игры и возможных рисков. В рамках проблемы доверия денежным формам это означает: для того чтобы деньги стали выполнять соответствующую функцию, необходимо, чтобы люди были уверены в том, что и Другой будет использовать данную форму денег. Именно в этом и заключается важная роль безличного доверия в рамках проблемы доверия к различным денежным единицам.

Другой вопрос заключается в том, как концепты «безличное доверие», «формы денег» и другие перевести на язык операциональных определений.

По крайней мере от другого способа операционализации можно было бы ожидать и других показателей взаимосвязи переменных. Это обсуждение выходит за рамки нашей работы. В ней мы обсудили роль институционального доверия в проблеме доверия денежным единицам. В качестве гипотетического альтернативного объяснения мы считаем, что в рамках рассматриваемой проблемы ключевым фактором является именно безличное доверие. Это объяснение подлежит эмпирической верификации в последующих исследованиях.

Прежде чем перейти к заключению, еще раз отметим трудности, с которыми мы столкнулись в рамках работы. Во-первых, свои ограничения наложил «обратная операционализация». Мы полагаем, что на основе других оперантов можно было наблюдать и другой уровень взаимосвязи.

Во-вторых (это уже относится к концептуальной модели), институциональные факторы могут оказывать более заметное и сильное влияние именно в момент создания «рынка» той или иной формы денег, точнее сказать, в тот момент, когда деньги начинают *стремительно* распространяться. Здесь как раз доверие денежным формам может быть непосредственно связано с институтами, которые регулируют ту или иную форму денег. С этой точки зрения интересным объектом изучения, в том числе для проверки довольно абстрактных теоретических положений, может выступить на наших глазах «зарождающийся» цифровой рубль. Будет ли здесь важную роль играть доверие государству? Ведь чтобы решить проблему комплементарности — формирования безличного доверия к деньгам — необходимо непосредственное участие тех или иных институтов. Эти аспекты подлежат соответствующему социологическому анализу, в том числе (возможно, даже в первую очередь) на эмпирическом уровне.

В-третьих, стоит сказать об упомянутом во введении работы различии между «доверии к деньгам» и их «реальным использованием». Это различие не было проведено нами с достаточной необходимостью, однако сделано это было осознанно. Тому есть две причины: первая — данное положение сложно отразить на уровне операциональных определений в рамках уже заданных оперантов, второе — это решение можно повернуть в различные теоретические плоскости (скажем, рассмотреть не с точки зрения исследований денег, а с точки зрения теории практик, опираясь на работы П. Бурдьё, Э. Гидденса и др.). Это требует детальной концептуальной проработки, и мы считаем необходимым осуществить такую проработку в дальнейшем с целью понимания новых возможностей концептуализации денег в рамках социологической теории.

Заключение

Результаты эмпирической проверки роли институционального доверия в рамках проблемы доверия к денежным единицам показали, что данный параметр нельзя назвать ключевым. Альтернативной гипотезой может служить объяснение доверия к деньгам, включающее в качестве ключевого концепт безличного доверия, внимание на котором сосредоточено в работах А. Гусевой, Дж. Ингэма, Ю.В. Веселова и др. Особый интерес представляет процесс распространения новых денежных форм, здесь же возникает проблема комплементарности, в решении которой также принимают участие различные институты. Поэтому мы предполагаем, что фактор институционального доверия нельзя однозначно отвергать, скорее его стоит рассматривать как дополнительный в контексте более общей модели, основанной на объяснении от безличного доверия. Данная модель нуждается в описании и теоретической реконструкции так же, как и проверка следующих из нее теоретических положений на эмпирическом материале. Это обуславливает необходимость дальнейших теоретических и эмпирических социологических исследований денег, в частности проблемы доверия к различным их формам.

Литература

Аникаева Е.А. (2008) Основные подходы к исследованию денег в социологии. *Экономическая социология*, 9(1): 114–124.

Бергер П., Лукман Т. (1995) *Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания*. Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум.

Бурдые П. (2017) *Практический смысл*. Пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя.

Бурдые П. (2019) *Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993)*. Пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом «Дело» РАН-ХиГС.

Веселов Ю.В. (2004а) Введение. Проблема доверия. *Экономика и социология доверия*. Под ред. Ю.В. Веселова. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского.

Веселов Ю.В. (2004б) Социологическая теория доверия. *Экономика и социология доверия*. Под ред. Ю.В. Веселова. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского.

Гусева А. (2012) *Карты в руки. Зарождение рынка банковских карт в постсоветской России*. Пер. с англ. Ю. Каптуревского. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Зелизер В. (2004) *Социальное значение денег. Деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы*. Пер. с англ. А. В. Смирнова, М. С. Добряковой; под. науч. ред. В. В. Радаева. М.: Дом интеллектуальной книги; Изд. дом ГУ-ВШЭ.

Парсонс Т. (2018) *Социальная система*. Пер. с англ. под общ. ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический проект.

Радаев В.В. (2005) *Экономическая социология: учеб. пособие для вузов*. М.: Гос. ун-т — Высшая школа экономики.

Смит А. (2017) *Исследование о природе и причинах богатства народов. В 2 т.* Пер с англ. и вступ. ст. А. В. Щербакова. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД.

Стребков Д.О., Шевчук А.В., Лукина А.А., Мелианова Е.Г., Тюлюпо А.В. (2019) Социальные факторы выбора контрагентов на бирже удаленной работы: исследование конкурсов с помощью «больших данных». *Экономическая социология*, 20(3): 25–65.

Маркс К. (2018) *Капитал: квинтэссенция всех томов «Капитала» в одной книге*. Пер с нем. С. Алексеева. Сост., предисл. и прилож. Ю. Борхардта. М.: Либроком.

Ashton T.S. (1945) The Bill of Exchange and Private Banks in Lancashire, 1790–1830. *Economic History Review*. 1–2(15): 25–35.

Dodd N. (2014) *The Social Life of Money*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.

Ingham G. (2000) 'Babylonian madness': on the historical and sociological origins of money. In: Smithin J. *What is money?* L.: Routledge: 16–42.

Smithin J. (2000) What is money? Introduction. In: Smithin J. *What is money?* L.: Routledge: 1–15.

Источники

Проект «Мониторинг финансового поведения населения — 2016», выполненный в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г. *Единый архив экономических и социологических данных НИУ ВШЭ*. [http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=2048&T=m] (дата обращения: 05.11.2020).

European Central Bank (ECB). Virtual Currency Schemes. 2012. P. 11. [<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemes201210en.pdf>] (дата обращения: 05.11.2020).

SOCIOLOGICAL PROBLEM OF TRUST TO MONEY CURRENCIES: AN INSTITUTIONAL FACTOR

Egor Makarov (eg.makaraz@mail.ru)

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Citation: Makarov E. (2020) Sotsiologicheskaya problema doveriya k denezhnym yedinitsam: institutsional'nyy faktor [Sociological problem of trust to money currencies: an institutional factor]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(5): 135–154 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.5.5>

Abstract. The article presents the problem of trust to monetary currencies in the context of contemporary sociological theories of money (V. Zelizer, J. Smithin, G. Ingham, N. Dodd and others). This particular issue has not been addressed within the context of orthodox economic analysis, including classical political economy (A. Smith), as G. Ingham argues. The factor of institutional trust and its influence on trust to different forms of money is examined via analysis of contemporary sociological theories of money. Author tries to verify the influence of institutional factor on trust to money currencies using empirical data 'Monitoring of population's financial behavior — 2016', that was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2015. Empirical analysis shows that there is no strong relationship between the concept of institutional trust and trust in forms of money. An explanation based on impersonal trust is presented as an alternative model. The main conclusion is that the institutional trust should not be regarded as the main factor within the context of trust in money. The problem needs to be addressed with the impersonal trust regarded as the central factor. The author highlights the importance of future empirical and theoretical researches.

Keywords: sociology of money, trust in money, multiply money, institutional trust, impersonal trust, complementarity problem.

References

- Anikayeva E.A. (2008) Osnovnyye podkhody k issledovaniyu deneg v sotsiologii [The Main Approaches to Investigations of Money in Sociology]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], 9(1): 114–124 (in Russian).
- Ashton T.S. (1945) The Bill of Exchange and Private Banks in Lancashire, 1790–1830. *Economic History Review*. 1–2(15): 25–35.
- Berger P., Luckman T. (1995) *Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Per. s angl. E. Rutkevich. Moscow: Academia-Tsentr; Medium (in Russian).
- Bourdieu P. (2019) *Ekonomicheskaya antropologiya: kurs lektsiy v Kollezh de Frans (1992–1993)* [Economic Anthropology: Lectures at the Collège de France (1992–1993)]. Per. s fr. D. Kralechkina. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS (in Russian).

Bourdieu P. (2017) *Prakticheskiy smysl* [The Logic of Practice]. Per. s fr. A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko; otv. red. per. i poslel. N.A. Shmatko. St/ Petersburg.: Aleteyya (in Russian).

Dodd N. (2014) *The Social Life of Money*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.

Guseva A. (2012) *Karty v ruki. Zarozhdeniye rynka bankovskikh kart v postsovetskoy Rossii*. [Into the Red: The Birth of the Credit Card Market in Postcommunist Russia]. Per. s angl. Y. Kapturevskogo. Moscow: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki (in Russian).

Ingham G. (2000) 'Babylonian madness': on the historical and sociological origins of money. In: Smithin J. *What is money?* London: Routledge: 16–42.

Marx K. (2018) *Kapital: Kvintessentsiya vsekh tomov «Kapitala» v odnoy knige* [Capital: The Quintessence of all the volumes of Capital in one book]. Per s nem. S. Alekseyeva. Sost., predisl. i prilozh. Y. Borkhardta. Moscow: Librokom (in Russian).

Radaev V.V. (2005) *Ekonomicheskaya sotsiologiya: ucheb. posobiye dlya vuzov* [Economic sociology: a manual for universities]. Moscow: Gos. un-t — Vysshaya shkola ekonomiki (in Russian).

Smith A. (2017) *Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov. V 2 t.* [Research on the nature and causes of the wealth of nations. In 2 volumes]. Per s angl. i vstup. st. A.V. Shcherbakova. 2nd ed. M.: LENAND (in Russian).

Smithin J. (2000) What is money? Introduction. In: Smithin J. *What is money?* London: Routledge: 1–15.

Strebkov D.O., Shevchuk A.V., Lukina A.A., Melianova Y.G., Tyulyupo A.V. (2019) Sotsial'nyye faktory vybora kontragentov na birzhe udalonnoy raboty: issledovaniye konkursov s pomoshch'yu «bol'shikh dannykh». [Social Factors of Contractor Selection on Freelance Online Marketplace: Study of Contests Using “Big Data”]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], 20(3): 25–65 (in Russian).

Veselov Y.V. (2004a) Vvedeniye. Problema doveriya. In: Veselov Y.V. (ed.) *Ekonomika i sotsiologiya doveriya*. [Economics and Sociology of Trust]. St. Petersburg: Sotsiologicheskoye obshchestvo im. M.M. Kovalevskogo (in Russian).

Veselov Y.V. (2004b) Sotsiologicheskaya teoriya doveriya. In: Veselov Y.V. (ed.) *Ekonomika i sotsiologiya doveriya*. [Economics and Sociology of Trust]. St. Petersburg: Sotsiologicheskoye obshchestvo im. M.M. Kovalevskogo (in Russian).

Zelizer V. (2004) *Sotsial'noye znachenkiye deneg. Den'gi na bulavki, cheki, posobiya po bednosti i drugiye denezhnyye yedinit*s [The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief & Other Currencies]. Per. s angl. A.V. Smirnova, M.S. Dobryakov; pod. nauch. red. V.V. Radayeva. Moscow: Dom intellektual'noy knigi; Izdatel'skiy dom GU-VSHE (in Russian).